

Глава I

СТАРАЯ ДЕРЕВНЯ — НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

I

Материал этой главы учитель может использовать как в факультативном курсе о современной прозе, посвященной деревенской тематике, так и в общем курсе X класса. В программе для выпускного класса есть большой раздел «Советская литература 50—60-х годов», в нем подчеркнуты следующие положения: «Роль советской литературы в жизни народов, в духовном формировании нового человека. Разнообразие социальных, исторических и нравственных проблем и художественных исканий советской литературы». Именно этим задачам подчинено содержание настоящей главы, причем в программе особо подчеркнута «острота социальной проблематики советской литературы и постановки нравственных вопросов».

На эту сторону современной литературы заставляет нас обратить пристальное внимание как Программа КПСС, так и решения XXIV и XXV съездов партии. В Отчетном докладе ЦК XXV съезду Л. И. Брежнев очень хорошо сказал о том, какое важное место занимает нравственное воспитание в общей системе средств формирования новой личности. «Практика партийных организаций,— говорил Л. И. Брежнев,— подсказывает нам путь, следуя по которому мы можем добиться повышения ее эффективности. Это — комплексный подход к постановке всего дела воспитания, то есть обеспечения тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся»¹.

Следовательно, одной из важнейших задач является «формирование нового человека — достойного строителя коммунизма». И эти задачи прежде всего призвана выполнять школа, а в области нравственного воспитания ведущее место принадлежит художественной литературе, в том числе произведениям, посвященным недавнему прошлому советской деревни, как отмечено в школьной программе, «революционному пути народа».

В этих целях учитель знакомит учащихся с книгами лауреатов Ленинской премии — Шолохова, Леонова, Мележа, Стельмаха, Авижюса, Айтматова, Симонова, Гамзатова, Маркова, а

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 74.

также с книгами лауреатов Государственной премии — Абрамова, Антонова, Быкова, Проскурина, Тендрякова, Закруткина, А. Иванова и других писателей.

Как и в целом в нашей работе, в этой главе рассматриваются произведения не только русской литературы, но и других литератур народов СССР (украинской, белорусской, киргизской, дагестанской), что позволяет выполнить другое важное требование программы: «Многообразие художественных стилей и жанров, взаимовлияние и сближение литератур народов СССР».

До последнего времени некоторые критики упрекают писателей в том, что они чаще всего обращают свой взгляд к деревне вчерашнего дня, а порою — и далекого прошлого. Этот упрек отчасти имеет основание, однако напрасно критики усматривают неактуальность тех книг, в которых изображается жизнь колхозного крестьянства в военные или довоенные годы. Ведь нельзя же утверждать, что вторая книга «Поднятой целины» не является современной книгой, так как она показывает завершение коллективизации в начале 30-х годов. И вообще тот факт, что в 60—70-х годах прежде всего появились произведения о вчерашней деревне, совсем не свидетельствует о какой-либо слабости нашей прозы. В переломные периоды в жизни общества писателю, а вместе с ним и читателям, необходимо оглянуться на большой путь, пройденный народом, объективно оценить то, что социалистическая революция дала деревне, что реально получило крестьянство не только в материальной, но и в культурной области за годы существования Советского государства. Только осмыслив все этапы этого великого движения деревни к социализму, писатель может дать правдивые образы крестьян, неприкрашенные картины деревенской жизни наших дней. В то же время художник слова ставит перед собою не только историко-познавательную задачу, но и задачу нравственно-воспитательную. Он стремится показать и то, что крестьянство, т. е. большая часть старого общества, принесло в нашу новую эпоху, и то, что оно приобрело за годы революции под руководством партии. Словом, писателя интересуют социально-нравственные корни, народные, национальные истоки современного человека, строящего коммунистическое общество.

Советская деревня изображается всесторонне, в непрерывном развитии, в сложных внутренних изменениях. Одни писатели рисуют ее, как говорится, изнутри, идут вглубь, другие — больше вширь, однако у тех и других есть общая черта — жизнь деревни ими изображается в переломные, наиболее острые моменты истории: в бурные дни социалистической революции или в героические годы гражданской войны, во время коллективизации, когда начался ледоход в советской деревне, или в полную народного героизма эпоху Отечественной войны, в период знаменательных послевоенных перестроек или нового перелома на рубеже 50—60-х годов.

Больше всего появилось романов и повестей, посвященных деревне периода последней войны: Ф. Абрамова «Братья и сестры» и «Две зимы и три лета»; М. Алексеева «Ивушка неплакучая»; В. Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы»; П. Проскурина «Судьба». Преодоление разрухи ярко отображено в другом романе П. Проскурина — «Горькие травы», в повестях и рассказах В. Тендрякова, В. Белова, А. Калининна, С. Антонова. Очень показательно, что вслед за второй книгой «Поднятой целины» обострился интерес к годам коллективизации («На Иртыше» С. Залыгина, «Дыхание грозы» И. Мележа, «Родная земля» Д. Зорина). Целый ряд книг посвящен деревне периода гражданской войны («Соленая падь» С. Залыгина, «Кровь людская — не водица» М. Стельмаха).

Примечательно, что многие прозаики не ограничивают себя рамками какого-то одного этапа (коллективизация или годы войны). Авторы «Судьбы», «Липягов», «Последнего поклона» охватывают жизнь деревни от начала коллективизации до окончания войны; Ч. Айтматов в повести «Прощай, Гульсары!» прослеживает жизнь киргизского селения от коллективизации до наших дней. То же пытается сделать В. Тендряков в повести «Кончина». Этой задаче посвящены диалоги и трилогии вроде «Полесской хроники» И. Мележа, «Большой родни» М. Стельмаха. Любопытно, что ряд писателей в наше время создает книги «с продолжением»: так И. Мележ после романа «Люди на болоте», издает «Дыхание грозы»¹; Ф. Абрамов не ограничился двумя книгами, а написал третью — «Пути-перепутья». В ряде романов мы видим широкий размах событий: А. Иванов — автор романа «Вечный зов» — повествует о сибирской деревне 1905—1958 годов; М. Алексеев еще шире раздвинул хронологические рамки в романе «Вишневыи омут»: здесь действие начинается на исходе прошлого века и завершается в конце Отечественной войны, ибо автор прослеживает жизнь нескольких поколений одной крестьянской семьи.

Писатель обычно рассматривает явления жизни в диалектическом развитии и не может искусственно отрывать прошлое от настоящего, наоборот — сегодняшняя действительность для него является закономерным продолжением вчерашнего дня. Многие процессы в деревне прошлого, исторически обусловленные, иногда болезненные, помогают понять как положительные, так и отрицательные стороны сельской жизни, несомненные успехи колхозного крестьянства и неизбежные трудности, которые предстоит ему преодолеть.

Вот убедительный тому пример: Федор Абрамов в первых своих романах изображал самоотверженный труд колхозников в тяжелые годы войны, а в третьей книге трилогии, получившей

¹ После смерти писателя публикуется третий роман — «Метели, декабрь».

общее название «Пряслины», он уже отмечает преодоление этих трудностей, порожденных четырехлетней войной. В других произведениях («Пелагея», «Алька») Абрамов убеждает читателя в том, что главные трудности колхозной деревни остались уже позади, что теперь на передний план жизнь выдвигает не материально-экономические, а нравственно-этические проблемы. Но и эти проблемы поставлены перед литературой самой советской действительностью, так как жители села сегодня уже думают о завтрашнем дне.

По словам Петра Проскурина, «материковую глубину» народного бытия можно достигнуть, если изображать явления жизни в революционном развитии. Именно к этому стремится сам Проскурин в романах «Горькие травы», «Исход», «Судьба». Последний пока еще не завершен (вышли две первые книги), в нем изображены лишь события 1932—1943 годов, но автор намерен довести главных своих героев до наших дней. Ведь только так может быть решена проблема преемственности поколений советских людей довоенной и послевоенной эпох.

Минуло более 30 лет со дня окончания Великой Отечественной войны, однако интерес писателей к этой эпохе не только не убывает, а, наоборот, с годами даже усиливается. Этот творческий интерес реализуется прежде всего в книгах, отображающих военные события как таковые; война в них проникает в сюжеты и характеры героев. При этом о войне сейчас пишут писатели как старшего, так и младшего поколения, порой писатели, которые войну не видели или видели ее детьми. Но и в этих произведениях, повествующих о героических и трагических днях вооруженной борьбы с гитлеровской Германией, мы тоже наблюдаем преобладание нравственного подхода, стремление извлечь моральный урок из прошлого. Вместе с тем не менее сильно в наши дни запечатлена такая важная сторона военной эпохи, как созидательная деятельность народа в годы войны. По меткому выражению одного писателя, эхо войны доносилось до самых отдаленных уголков советской страны, больше того — оно доносится до наших дней через все минувшие десятилетия. И долго еще будет отдаваться в сердцах людей.

Проза о деревне, пожалуй, полнее и глубже раскрыла смысл и мотивы трудовых подвигов колхозников, прежде всего женщин, а также подростков и стариков. Величайшие испытания, выпавшие на долю народных масс, как бы высветили изнутри традиционные черты тружеников деревни, их нравственные истоки; в то же время огромные трудности военных лет закалили народный характер, показали, на что способен рядовой советский человек. Именно в эти годы окончательно окрепло такое новое качество колхозника, как коллективизм, чувство локтя, солидарности.

О труде и быте русской деревни в годы войны и послевоенной разрухи рассказал Ф. Абрамов в трилогии «Пряслины». Ав-

тор мастерски рисует различных представителей северного села Пекашина: председателя колхоза Анфису Минину, председателя колхоза Лукашина, секретаря райкома Подрезова, женщин — рядовых колхозниц, стариков да подростков. В центре же всей трилогии поставлена семья Пряслиных — отец, мать, их дети: Михаил и Лиза.

Несмотря на такую плотную заселенность хорошо построенного сюжета, писатель умеет каждого из своих персонажей наделить запоминающимися индивидуальными чертами, своеобразной манерой речи, походкой и т. д.

Действие первой книги разворачивается летом и осенью 1942 года, когда гитлеровские дивизии рвались к берегам Волги. В одной из первых глав Абрамов показывает колхозников, которые специально пришли в правление колхоза послушать радио. Это — одна из лучших сцен, где показана вся масса колхозников как единый коллектив. Затем мы видим ее в дни тяжелого труда на сенокосе, на уборке хлеба, на лесозаготовках, и гораздо реже — в часы отдыха и веселья. При этом Абрамов умеет так изобразить колхозную массу, что она перед читателем предстает многоликой, пестрой, дифференцированной. И это достигается благодаря тому, что автор старается из суммарного портрета выхватить отдельные колоритные фигуры, а главное показать «сквозное» движение своих основных персонажей.

Наиболее типичной семьей северной русской деревни периода войны является семья Пряслиных. Мы не видим отца Пряслиных, но через отзывы других членов семьи, их соседей, Анфисы автор умеет внушить, что этот колхозник был прекрасным тружеником, добрым семьянином, хорошим человеком. Недаром и жена его Анна (теперь вдова), и Анфиса, и все люди села видят в нем достойный для подражания пример. Для детей же Пряслиных отец становится идеалом, источником силы и правды, веры и надежды.

Михаил — сначала подросток, потом юноша — заменяет в доме отца, тем более что мать, придавленная свалившимся на нее горем, растерялась, да к тому же она и раньше не отличалась особенно крепким характером. Когда один из бывших фронтовиков упрекнул Михаила в том, что он «круто берет», то юноша резко, но справедливо ответил: «Я с сорок второго круто беру».

Молодой герой Абрамова не является перед нами каким-то святым, в этом образе нет ни малейшей идеализации, хотя автор явно любит его. Характер Михаила дается в непрерывном процессе нравственного роста, духовного созревания. А процесс этот не может совершаться без ошибок, тем более что юноше часто приходится решать вопросы нравственно-этические без помощи старших, без совета отца. Анна давно уже в семье уступила место сыну и принимала это как должное; иногда сын осуждает мать за слабость, за «потворство»; воспитанный в духе

строго семейной морали, Михаил возмущается тем, что его родная мать, которая должна быть примером для всей семьи, однажды принесла в карманах зерно с колхозного тока, словом, совершила хищение ради спасения детей от голодной смерти; он готов отречься от матери, оставить ее с малышами:

«Анфиса медленно выпрямилась:

— А ты подумал... о ней-то?

— Раз так — к черту! Пуцай как знает.

— Ты что говоришь? Что говоришь? — вскипела Анфиса. — Это о матери-то? Это мать-то родную к черту? Молокосос! Мать о них убивается, света белого не видит. Ты смотри, на кого она похожа — как щепка высохла.

— А мне, думаешь... Я сам... Я сам... Папа на фронте... а она... — Мишка схватился руками за голову и затрясся в рыданиях».

Но этот эпизод относится к раннему этапу становления характера Михаила, когда еще неизвестно было о гибели отца. В это время ему в нравственном отношении мать заменяла Анфиса — умная женщина, которую сами колхозники выдвинули на должность председателя. Анфиса помогает и Михаилу, и малым детям Анны. Именно в этом проявилось новое качество колхозного крестьянства — коллективизм, стремление поддержать, помочь друг другу в тяжелую минуту.

В первой книге трилогии читатель видит Лизу еще маленькой девочкой, на которую легла забота о младших, когда взрослые уходили на работу, оставляя ее в доме за «маму». Не может нас не потрясти сцена, в которой Лизка делит на четверых единственную шаньгу (лепешку).

Когда Лиза подрастет, на ее долю достанется много тяжелой работы и в доме, и в колхозе, но она выйдет из этих испытаний здоровой как физически, так и нравственно, в полном смысле закаленной. Во второй книге Лиза предстает перед нами невестой, в третьей — женой и матерью, но ее привязанность к родной семье всегда будет постоянной, удивительно человеческой, нежной, хотя в родном пряслинском гнезде она хватилась горького до слез.

Абрамову одинаково удалась как мужские, так и женские характеры. Анфиса — подлинно художественный тип. Читатель видит ее не только при исполнении служебных обязанностей, но и как женщину и как мать, как человека не лишеного слабостей. Уже давно Анфиса разочаровалась в муже, смирилась со своей долей, но вот в суровом 1942 году она встречает Лукашина и начинает понимать, что счастье ее не обошло. Лукашин отправляется на фронт, но чувство любви согревает жизнь Анфисы, освещает своими лучами ее самоотверженный труд, придает всем ее делам какой-то особый смысл. И это еще более роднит ее с другими женщинами — у нее тоже самый близкий

человек — на фронте. Общий труд для достижения победы, общий энтузиазм, общие слезы и редкие радости — вот что сделало Анфису и ее колхозниц единым коллективом.

О моральном единении советских людей хорошо говорит секретарь райкома Лукашину перед его отъездом на фронт:

«— Вот, говорят, война инстинкты разные пробуждает в человеке. Приходилось, наверное, и тебе читать. А я смотрю — у нас совсем наоборот. Люди из последнего помогают друг другу. И такая совесть в народе пробудилась — душа у каждого насквозь просвечивает. И заметь: ссоры, дразги там, — ведь почти нет. Ну, как бы тебе сказать. Понимаешь, братья и сестры...»

В третьей части пекашинской трилогии Анфиса отодвинута на второй план. На председательском посту ее заменил Лукашин, вернувшийся с фронта. Теперь он муж Анфисы... Однако характер Анфисы таков, что она не может жить спокойно; она видит промахи мужа, неумение подойти к людям, работающим в трудных послевоенных условиях. Прекрасно изучив людей в тяжелую военную годину, Анфиса знает и слабые и сильные их стороны. Она болеет за ошибки мужа, человека, преданного делу, но привыкшего к военной дисциплине. Но это не бабы обиды, не пустые сетования — Анфиса болеет за людей. Вот что она говорит Подрезову:

«— А только докуда все на войну валить? Чуть что вашего брата против шерстки погладил — и сразу война. Да ведь войны и раньше бывали. После той, гражданской, уж на что худо было! Гвоздя не достанешь, соли не было — кислое молоко в похлебку клали. А года два-три прошло — ожили. А теперь карточки, в лавке хлеба нету, только одним служащим по спискам дают. Долго это будет? А скажи-ка на милость, трава каждый год под снега уходит, а колхознику нельзя для коровенки подкосить — тоже война виновата?»

Анфиса видит ошибки мужа, но когда он подвергается несправедливому аресту, она бросается спасать его. Беда вынуждает забыть обиды и других женщин: первой к Анфисе пришла с сочувствием «соперница» Варвара. Со своим горем Анфиса явилась к Подрезову — он был не только авторитетным руководителем, но и товарищем ее мужа. Однако секретарь не сумел помочь Анфисе...

К сожалению, в 3-ей книге не завершены судьбы главных героев, в том числе главная сюжетная линия Анфиса — Лукашин. Но так как образ Анфисы прослеживается на протяжении трех книг, то он дает полное представление о судьбе русской женщины в годы Отечественной войны. Это образ большой собирательной силы. Рядом с Анфисой можно поставить такие женские характеры, как Журавушка из романа М. Алексеева «Хлеб — имя существительное», Толгонай — героиню «Материнского поля»,

Марию из повести В. Закруткина «Матерь человеческая», и конечно, образы женщин из романов П. Проскурина «Горькие травы», и «Судьба».

II

В трилогии Ф. Абрамова наметились признаки романа-эпопеи, повествовательного жанра, охватывающего важнейшие события жизни общества, имеющего вместительные хронологические рамки. Еще более оснований называть эпопеей роман Петра Проскурина «Судьба», первые книги которого в основных своих частях посвящены среднерусской деревне военных лет. Но это уже деревня, очутившаяся под сапогом фашистских оккупантов. Сам автор заявил о своем намерении проследить судьбу народную, а значит — и судьбы своих главных героев до наших дней. Замысел романа-эпопеи потребовал не только обстоятельного исследования жизненного пути в военное время, но и его истоков в мирном советском селе, благодаря чему писатель мог показать начало «Адамова корня».

Так называется первая книга «Судьбы», в которой в удивительно ярких и свежих по своей выразительности картинах и образах показана колхозная деревня предвоенного десятилетия. На первых же страницах перед нами вырастает фигура Захара Дерюгина — большевика, организатора колхоза в селе Густыщах, чем-то напоминающего шолоховского Давыдова. Только Захар — плоть от плоти деревенского люда: в Густыщах он родился и вырос, отсюда он когда-то уходил в Красную Армию и сюда вернулся, чтобы перестраивать родное село. Писатель показывает нам своего героя уже в то время, когда организация колхоза была позади и началось воспитание людей в коллективе. У Захара большая семья, и живет она пока бедно, однако он принимает в свою тесную хатенку ребенка-сироту, оставшегося после смерти неизвестной нищей женщины. Этот символический факт служит ключом к гуманистическому содержанию всего романа.

После похорон нищенки Захар вместе с мужиками, помогавшими ему, ужинает в доме Акима Поливанова — «мужика в хорошем достатке». Хозяин — уважаемый пожилой крестьянин, его два семейных сына живут отдельно, а у него в доме — жена, дочь, отец-старик. Сейчас, после завершения коллективизации, до Густыщ дошли слухи о том, что богатых мужиков будут отправлять на Соловки. Поливанов боится за себя и за свою семью, поэтому осторожно прощупывает Дерюгина, подливая ему самогону.

«— Вроде особых богатеев на селе не заметно, — осторожно вставил Поливанов.

— Это как сказать, — удержался Захар. — Хотя бы вон Макашины да Черепановы. Соки-то из народа тянули по-паучьи,

втихаря. — Понимающая ухмылка мелькнула на лице Захара. — Моли своего бога, Аким, в свой час ты остановился, а одно время ты после гражданской-то за ними резво приударил. — Захар, поймав быстрый, как удар ружья, взгляд Поливанова, задал усмешку».

Как видим, Захар не симпатизирует Поливанову, но это не мешает ему быть объективным и справедливым. Захару трудно было защищать Поливанова, ибо он сошелся с его дочерью Маней, полюбил ее. Однако Захар упорно отстаивает честного крестьянина, ставшего зажиточным при Советах, спорит с председателем сельсовета, убеждает секретаря райкома. И добивается наконец справедливого решения — семью Поливанова возвращают в село, в колхоз.

Несправедливая высылка принесла незаслуженную обиду добросовестному крестьянину, отцу двух бывших конармейцев. Если бы не восторжествовала справедливость, его семье был бы нанесен непоправимый нравственный ущерб. Вот почему Захар так энергично отстаивал эту семью. Дальнейшая жизнь показала, что прав Захар: Поливанов очень был нужен колхозу. Увидев его в правлении, «Захар Дерюгин на минуту задумался, затем наказал Поливанову тут же браться за начатое недель раньше дело, достраивать скотный двор...» Поливанов становится одним из лучших членов колхоза, в годы войны его сыновья сражаются на фронте, а сам он и его семья помогают партизанам.

Показав эти сложные взаимоотношения Захара с Поливановым, Проскурин дает свой авторский комментарий к судьбе зажиточного крестьянина, которого Захар защищал:

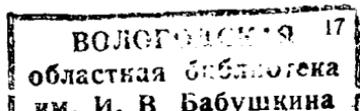
«В Густищах перебирали случай с семьей Поливановых, сравнивали с ней тех, кого отправили на высылку в какие-то неведомые страшные Соловки... То, что до революции Поливанов был так, захудалый мужичишка, уже никто не вспоминал, а вот того, что он вошел в силу уже после гражданской, в нэп, до колхоза, забыть не могли, потому что из села почти в три сотни дворов вошли в силу только двое: Поливанов и Пырьев...»

Немногие в Густищах говорили о том, что Поливанов и Пырьев просто оказались более работающими и более жадными до тех возможностей, что возникли в годы перед организацией колхоза».

В отличие от Абрамова автор «Судьбы» не ограничивает свой сюжет рамками одного села, одного района. Если «Пряслины» можно назвать «деревенской эпопеей», то роман Проскурина выходит за пределы крестьянской тематики, и в то же время не нарушает логики развития конкретных сюжетных линий.

Вторая книга «Судьбы» почти целиком посвящена борьбе народа с фашистским нашествием. Ожесточенное сопротивление немцам оказали как крестьяне, так и рабочие. В области создаются партизанские отряды.

855370

Уходит на фронт и Захар Дерюгин. Несправедливое исключение из рядов партии, отстранение от руководства колхозом не сделало Захара равнодушным: забывши личные обиды, он самоотверженно борется против фашистов за общее народное дело. Автор как бы говорит нам, что дело не в формальной принадлежности к партии: Дерюгин рядовым бойцом пришел в армию, но у него за годы Советской власти были воспитаны такие качества, как гражданская принципиальность, чувство коллективизма и гуманности.

Дерюгин — одна из многочисленных песчинок, составляющих огромную народную глыбу. Автор не хотел превращать своего рядового героя-бойца в какую-то легендарную фигуру. Писатель дает понять, что народ живет, народ борется, что не иссяк вечный родник народной жизни, не засох «Адамов корень». Старшие из детей Дерюгина, которых из беспросветной нужды и тьмы вывела колхозная жизнь, уже участвуют во всенародном сопротивлении: дочь Аленка ушла к партизанам, сын-подросток Иван помогал семье, пока его не угнали в Германию. Все это свидетельствует о том, что Дерюгин-отец оставил в жизни достойных наследников. Больше того, активным борцом против захватчиков становится жена Захара, и это весьма знаменательно. Ефросинья, обремененная семьей, никогда не была активной общественницей. Однако в душе этой женщины где-то подспудно билось чувство любви к родине, чувство благодарности к колхозному строю. Ведь Советское государство позвало ее детей в школу, открыло им двери в будущее. Ведь коллектив людей, среди которых она жила и трудилась, помог ее семье построить просторный и светлый дом. И когда наступили суровые дни войны, борется вместе со всеми: она заживо сжигает в своем новом доме немецких солдат.

Проскурин, однако, не сводит весь смысл патриотического чувства к героическому подвигу человека, будь это воинский подвиг Захара или стихийная месть Ефросиньи. Писатель понимает героизм более широко: в жизни Ефросиньи лишь однажды нашлось место подвигу в прямом смысле этого слова, а остальное военное время (целых два года!) ее героизм проявлялся в заботе о детях и матери-старухе.

Есть важный смысл в том, что из всей большой семьи Дерюгиных в последних главах на первом плане оказывается три женщины — Авдотья, Ефросинья, Аленка, представляющие три поколения советского народа. Не военными успехами, не триумфом победы (до него еще было далеко), а мирными заботами о существовании семьи заняты они в первые дни на освобожденной земле. Так подчеркнул автор их незаметный героизм, их врожденный гуманизм, привитое за годы колхозного строя чувство локтя.

Следовательно, не случайно в нашей литературе о военных событиях ведущее место занимают образы мужчин, а в произ-

ведениях, посвященных борьбе народа в тылу,— образы женщин.

«О Матерях можно рассказывать бесконечно» — эти слова Горького следовало бы взять в качестве эпиграфа ко многим книгам, посвященным трудовым и ратным подвигам женщины в годы Отечественной войны. И в этом ряду никак нельзя забыть благодарной попытки создать обобщенно-символический образ Женщины-Матери в повести В. Закруткина «Матерь человеческая» (1970). Как миллионы советских колхозников, Мария была воспитана в духе коллективизма и гуманного отношения к людям.

Она видела мужа и сына на виселице, хоронила соседскую девочку, убитую на ее глазах, разделяла страдания ленинградских детей, многих своих земляков,— не приходится удивляться, что она люто возненавидела гитлеровцев. И в первые же дни ее одинокой жизни судьба столкнула ее с немецким солдатом: Мария увидела его в погребке, он был ранен и безоружен. Схватив вилы, она пошла на солдата. «Мария остановилась. Сделала еще шаг вперед. Мальчишка-немец шевельнулся. Он хотел отодвинуться, втиснуться в угол, уползти в темноту, за кадушку, но обмягшее, бессильное тело не слушалось его... Мария высоко подняла вилы, слегка отвернулась, чтобы не видеть то страшное, что должна была сделать, и в это мгновение услышала тихий, сдавленный крик: «Мама! Ма-а-ма»...

Закруткин утверждает идею нового, социалистического гуманизма, и делает это с большой эмоциональной силой. Уже само название повести — «Матерь человеческая» — говорит о многом. Даже не рядом, а выше богоматери автор поставил реальную женщину-мать! Советская женщина в минувшую войну перенесла такие страдания, такие нечеловеческие муки, что перед нею кажется бледной тенью образ библейской божьей матери.

«Богородица, царица небесная, приснодева, пречистая, источник живота родшая, богоизбранная, предстательница, заступница благодатная, богоневестная мать — так называют тебя люди. Они построили великолепные храмы, и самые великие художники мира украсили эти храмы твоим изображением. Голову твою и голову твоего младенца-сына окружили сияющим нимбом святости». И вслед за этим рассуждением писатель задает риторический вопрос: «Разве нет на земле матерей человеческих, испытавших более страшные удары судьбы, чем те, которые ниспосланы были тебе? Кто же измерит их горе? Кто исчислит все их утраты?»

III

Великая Отечественная война давала и дает богатейший материал для реализации гуманистической проблемы в совершенных художественных образах. Военный материал — неиссякае-

мый источник тем, конфликтов, сюжетов, недаром литература о войне имеет такой богатый опыт. Но не менее разнообразными были и конфликты жизни в советском тылу, особенно в колхозной деревне военных лет. Эту сторону военной действительности в последнее десятилетие прекрасно освещают А. Калинин, П. Проскурин, В. Распутин, М. Стельмах, В. Тендряков. Из произведений этих писателей особенно выделяется повесть Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы» (1973). Рисуя северную русскую деревню в последний год войны, писатель сумел передать трудовой энтузиазм коллектива, его духовную сплоченность. В колхозе работали только женщины, а единственному мужчине, председателю, шел седьмой десяток лет. Но когда уполномоченный, инвалид войны, сумел донести до этих уставших, полуголодных людей мысль о необходимости дать фронту хлеб, они совершили чудо: за несколько часов вручную обмолотили целый омет. Труд женщин в годы войны хорошо изображался и раньше, например в книгах Алексеева и Абрамова. Автор «Трех мешков...» не повторяет своих предшественников, он идет дальше, он отыскивает новые грани этой глыбы жизненно-го материала. Тендряков в центре романа ставит отношения людей в советском коллективе.

Творческая задача потребовала от писателя ввести в сюжет и столкнуть между собою несколько руководителей: секретаря райкома Бахтъярова, уполномоченного Божеумова, комсомольского работника Женьку Тулупова, председателя колхоза Адриана Фомича и председателя сельсовета Кистерева. Вчерашний фронтовик, комсомолец Женька Тулупов был направлен Божеумовым в колхоз, где председательствовал Адриан Фомич, старый, авторитетный человек. Еще до отъезда в колхоз Женька познакомился с Кистеревым, который, будучи инвалидом, руководит местным Советом и пользуется большим уважением населения. И вот председатель колхоза знакомит уполномоченного с хлебными запасами колхоза. В амбарах давно уже нет зерна, только и осталась кучка пшеницы — «тощей, сорной, дурно провянной, но пшеницы».

«Адриан Фомич негромко произнес:

— Весна будет. Сеять придется.

И Женька ухватился за его слова:

— На семена оставили?

— Какие же это семена — сор заметенный.

Да, он, Женька, не хуже старика знал, что в Нижнееечменском районе забрали на госпоставки все, даже семенной фонд.

— Весной людям работать, — продолжал спокойно Адриан Фомич. — Много ли, сам посуди, на траве наработаешь. Вот все, что сберег, весной по горсточке выдавать буду».

Если бы Женька подошел «согласно инструкции» руководителя бригады Божеумова, то он должен был забрать это зерно и отправить в район. Но несмотря на свою молодость, Женька

много видел в жизни, был на фронте и потому понимал, что надо по-иному относиться к людям. У молодого человека, воспитанного в духе активного гуманизма, есть чувство ответственности, и потому у него не поднялась рука на это последнее зерно; взять его — все одно, что отобрать у голодного последний кусок хлеба. Женька поступил так, как ему подсказывала совесть, и в этом он похож был на старика Адриана Фомича. Председатель был умным и опытным человеком, не хотел никого обманывать, поэтому и не спрятал зерна. Женька видел его в домашней обстановке, среди колхозниц, — везде Адриан Фомич чувствовал себя главою семьи и заботился о членах артели как о своих детях (по возрасту они и были ему детьми и внуками). Все, что он делал, видел каждый; больше того, колхозники знали, что он не может сделать что-то дурное, так как у него есть не только ум, но и совесть. В его избе находят приют невестка-вдова и внуки, и даже совсем чужие люди: соседка-нищенка, бродяга-старик, когда-то убивший его товарища (сына этого убитого взял в свой дом Адриан Фомич). «И всему хозяин он — Адриан Фомич, сколоченно прямой старик в вылинявшей рубашке, с бледным, чистым лицом, с бородой лопаточкой. Хозяин и законодатель роднящей простоты». Юноша восхищается этой семьей, этими людьми, их простой жизнью тружеников — жизнью по совести. «Как прекрасно, что есть такие места на земле! — размышляет Женька. — Сколько их? Да, наверное, не так уже и мало. Но будет больше! Женька верит в это».

Но если Женька и Адриан Фомич являются родственными душами на основе добра и гуманности (недаром они так привязались друг к другу), то некоторые из героев повести отвергают доверие и великодушие в отношениях между собою. Яростным противником Адриана Фомича выступает бывший каторжник и убийца Митрофан, который нашел приют в доме председателя. «Съедят люди друг друга», — говорит он. Когда ему указывают на противоречие — он верит в бога и отрицает добро, — тот отвечает давно приготовленной фразой: «Только дурачки бога добреньким видят». Даже приемный сын Адриана Фомича, военный служащий, уважающий своего отчима, и тот осуждает его за «доброту». Но главным противником Адриана Фомича и Женьки является Божеумов. Еще до знакомства с председателем колхоза Женька поспорил с ним из-за Кистерова. Израненный, разбитый человек, которому немного осталось жить, Кистерев отдается своей нелегкой работе с людьми, и они платят ему благодарностью, любовью. Божеумов, приехавший во главе бригады, человек недалекий, догматик и демагог, начинает запугивать Кистерова («Хлеб или саботаж»). Кистерев отлично знает, что хлеба в колхозе нет, люди отдали все, что было, ибо они работают не за страх, а за совесть. «Мы давно уже примечаем, что страх в людях умер, а совесть... Представьте себе, совесть еще жива! — отвечает он на угрозу Божеумова.—

Так давайте и пользоваться тем, что живо... Криком, угрозами уже не возьмешь, товарищ Божеумов, а добрым словом можно».

Естественно, что юному Женьке, болезненно воспринимающему всякую несправедливость к своим, советским людям, сразу же становится чуждым Божеумов. При первом же знакомстве Женька откровенно заявляет тому: «Наставляешь, словно мы во вражеском лагере». С таким настроением Женька едет в колхоз «Красная нива», по дороге им овладевают мрачные мысли. «Враги! Слово ты не на своей земле, не среди своих людей. На фронте досыта навраждовался — надоело!» Женьку преследует «злая» душа Божеумова, его резкие слова, чужой взгляд. «Божеумов сверлил его зеленым глазом», «Божеумов встретил его из-за стола прицельно-пристальным взглядом». В последней сцене ему Женька с юношеской горячностью бросает: «Он нормально на человека глядеть не умеет, только целится — враг!»

Протокол, арест, допрос — готовится суд над лучшим председателем района, над честнейшим человеком. Женьку это сильно потрясло, он больше не мог молчать: в случае расправы с Адрианом Фомичом были бы попраны самые заветные идеалы человека, зло торжествовало бы свою победу! В данном случае зло стало реальной угрозой, и только сила могла ему дать отпор. Добро без активных действий, без справедливой силы никогда не может победить. Это хорошо понимал Женька, когда воевал против фашистов, это он понял и теперь, и в своем справедливом деле он получил поддержку со стороны Бахтьярова и Чалкина. Ибо все они поняли, что Божеумов, так заботящийся о своей карьере, о чести своего мундира, готов оставить людей без куска хлеба. Человек без сердца, без совести — он способен на все.

На экстренном совещании в сельсовете тревогу выражают и Женька, и Кистерев.

«... Кистерев, подавшись вперед узкой, украшенной орденами грудью, задыхаясь продолжал:

— Вы враг победы, Божеумов! Враг с мандатом в кармане! Враг, порожденный войной! Да, да! Война рождала не только героев, но и разную сволочь — предателей, вроде генерала Власова, полицаев, а в тылу... Божеумовых!»

Женька и Кистерев первыми рассмотрели сущность Божеумова, они первыми пошли в атаку на его антигуманную философию, открыто бросили ему вызов. Но едва ли они могли победить Божеумова, если бы их не поддержали руководители района — секретарь райкома Бахтьяров и председатель райисполкома Чалкин. Таким образом Божеумов остался в одиночестве, без чьей-либо поддержки, хотя он уверен, что «высшие» инстанции оценят его рвение. Он так и не понял, что его осудили не просто товарищи, а партия и народ.

Сюжет, полный динамики и драматизма (в финале повести погибает Кистерев), завершается следующим эпилогом:

«При выходе с кладбища Адриан Фомич остановился, обернулся назад, снял свою лохматую собачью шапку, перекрестился.

— Прими, господи, беспокойную душу — чиста была.

— Воин! — сказал Чалкин.

Бахтияров отозвался:

— Воин ... Теперь нужны строители».

Реплика секретаря весьма многозначительна: доброта, великодушие, гуманность у этих людей-единомышленников имеет разные оттенки. Женька вначале понимал гуманизм в несколько отвлеченном плане. «Святой человек» Адриан действительно честен и бескорыстен, но не всегда умеет постоять за себя и своих людей. Кистерев, самоотверженно борющийся за правое дело на фронте, просто не может выдержать нападков Божеумовых. По-настоящему действителен гуманизм Бахтиярова, который и подержал Женьку в самый ответственный момент.

IV

. Отношение к человеку, «товарищу, другу и брату» — вот что становится главным мерилom для советских писателей, обращаются ли они к современной деревне или к деревне вчерашней, изображают ли они крестьянство периода гражданской и Отечественной войн или этапы мирной его жизни в довоенное и послевоенное время. Вся жизнь народа ныне исследуется под углом зрения социалистического гуманизма. Поэтому сурово, строго оценивается поведение человека в дни мира и в дни войны, его взаимоотношения с коллективом, с товарищами, с врагами. Если герой беспощаден к вооруженному противнику, если он непримиримо относится к колебаниям и ошибкам близких лиц, если он великодушен и добр к слабым, но честным людям, то это означает — он поступает высоконравственно, гуманно, человечно. Если герой произведения говорит хорошие слова, произносит верные лозунги или просто прикрывается громкими фразами, а совершает поступки аморальные, антигуманные, то он не может быть настоящим советским человеком. Отсюда — два взгляда на человека, две жизненные философии. В современной прозе этот конфликт иногда принимает самую обнаженную форму, выливаясь в лобовое столкновение героев-антиподов. Такой конфликт мы видим в повести П. Проскурина «Тайга». Более сложно дан философский конфликт в рассмотренной повести Тендрякова и в повести С. Залыгина «На Иртыше» (1963), о которой речь пойдет ниже.

Некоторые критики пытались это произведение противопоставить «Поднятой целине» Михаила Шолохова, но в действительности оба писателя оценивают великое дело коллективизации с позиций активного гуманизма. В то же время в этих книгах, написанных в разном ключе (одно произведение — много-

плановый роман с широким охватом деревенской жизни, другое — повесть, выдержанная в сказовой манере), расставлены свои особые акценты. Залыгин, опираясь на опыт своего маститого предшественника, нисколько не повторяет его. «Поднятая целина» ставила актуальные для своего времени проблемы, автор «На Иртыше» берет только одну тему — тему гуманизма и освещает ее с позиций современности.

Действие повести совершается в 1931 году, к этому времени в Сибири была завершена коллективизация. Раскулачивание и высылка богатеев были пройденным этапом. Масса крестьян в целом уже трудилась в колхозе, готовилась к первому коллективному севу. Это не означает, что все сомнения мужика, особенно зажиточного крестьянина, остались позади. Мужиков волнует вопрос о будущем деревни, и каждого по-своему: умный, творчески мыслящий крестьянин Фофанов предлагает разбить колхозный сад; думающий и честный Степан Чаузов мечтает о невиданном комбайне, но в то же время его беспокоит организация труда и методы руководства в колхозе; горячий Павел Нечай не прочь установить полуголовную дисциплину, для чего, по его мнению, следовало бы отобрать все имущество у крестьян. Наряду с честными крестьянами кое-кто пришел в колхоз с корыстной целью, они и здесь пытаются урвать свой кусок.

Поздно вечером, когда мужики мирно беседовали в конторе, на улице раздался отчаянный голос: «Горим!» Все бросились к амбару, где хранилось семенное зерно. Амбар поджег Ударцев, обиженный на односельчан за отказ помочь ему перенести избу, ради чего он и вступил в колхоз. По тому, как крестьяне дружно тушат пожар, энергично спасают зерно, тяжело переживают общую беду, мы убеждаемся в рождении у них нового качества — коллективизма. Среди тех, кто, не думая о собственной жизни, тушил пожар, был и Степан Чаузов.

Степан — крепкий хозяин, помогавший во время войны партизанам. В годы нэпа он своим трудом нажил хозяйство, завел пару коней; женился на самой бедной девушке — его интересовало не приданое, не богатство, а подруга жизни, и он был счастливым семьянином. Степан славился в селе не только как порядочный труженик, которому стать на ноги помогла Советская власть, но и как справедливый, верный своему слову человек. Недаром, когда вступил он в колхоз, его примеру последовали многие колебавшиеся.

Вместе с тем даже этому умному и сознательному крестьянину не так просто было отрешиться от прошлого. «Удивительные были у Степана кони... Он и на колхозный баз не ходил, не глядел на них, какими они там без хозяина стали. Чтобы душу им и себе не терзать...

И вот каждый раз, в избу ли, с избы ли, а они тебе двое мнутся, два мерина, немолодые уже, разномастные, — Серко и

Рыжка. Будто на старом своем месте все еще в ограде стоят, сено жуют». Разве не так же относится Майданников к своим лошадям, быкам, сведенным в колхозную конюшню? Удивительное совпадение, продиктованное самой жизнью! Как героя Шолохова, так и героя Залыгина нельзя назвать только «хозяином», мелким собственником, не видящим дальше своего двора, собственной пашни. Вчерашний середняк, отнюдь не сидевший без хлеба, Степан мечтает о машинах, внимательно прислушивается к словам об устройстве коллективного сада: Степан любит трудиться на земле, украшать ее своим трудом. Именно это стремление привело его в колхоз. Залыгин ставит своего героя перед серьезным испытанием.

После всего случившегося Степан приходит домой, а там спят Ольга Ударцева и ее дети — семья сбежавшего поджигателя. Степану не понравилось такое гостеприимство жены Клаши, но и осудить ее он не мог. Ольга не была ни родственницей, ни подругой Клаши, но пошла к Чаузовым именно потому, что эта семья слыла справедливой и доброжелательной. Степан и Клаша женились по любви, без всяких корыстных целей; родители Степана хотели женить сына на богатой невесте, но Степан взял себе в жены самую бедную девушку. И отношения их строились на уважении друг друга, на общей заботе о детях. Когда пришло время вступить в колхоз, между супругами тоже не было никаких разногласий. Теперь, увидев в своей избе семью врага, Степан прекрасно понял, какие опасности ему угрожают, однако сердце подсказывало, что его жена поступила правильно. Поэтому он молча слушал объяснения жены:

« — Поверь, прошу тебя, Степа! Я тебя сроду верить себе не просила — ты сам догадывался, нонче прошу. Ударцев Лександра зерно пожег — так это же разбой и есть, он, как варнак, после того скрылся, а ребяташки? Неужто ты и ребяташкам враг, дом ихний разорил и со своего зимой выгонишь?!.. Тебе ребяташки эти всякий день на пути будут, всякий день им в глаза глядеть! Нельзя нам их с избы гнать, нельзя мне было их и в избу не привести. Поверь ты мне, Степа, не обманывай меня, ведь я за человека взамуж шла... За человека...»

Степан не любил много говорить и просто не знал красивых слов, но отлично понимал свой долг перед детьми — своими и чужими. «Вырастут поумнее нас с тобой, — сказал он. — Их теперь всех подряд, ребяташек, в школе учить налаживаются».

Благородный поступок супругов Чаузовых, продиктованный истинной человечностью, был понят некоторыми местными руководителями как сочувствие врагам колхоза. Особенно это ложное мнение укрепилось после того, как Степан на следствии по делу о поджоге не хотел обвинять престарелого отца Ударцева. Тот действительно замахнулся на Степана ломом, но ведь он был у себя дома и защищался от нападающих. Следовательно же видел в лице отчаявшегося старика «противника», а поведе-

ние Степана расценил как «выгораживание врага». В сцене допроса Степан справедливо негодует на закоренелое недоверие к крестьянину-труженику, стремление навязать свои представления. «Дайте мужикам подумать,— возражает он.— Дайте им самосаду накуриться, не тревожьте их, не мешайте—они тоже для чего-то жизнь живут, головы на себе таскают! Они в колхоз вошли—они и уладят в колхозе как-никак дело. Они Ударцева дом под яр сбросили, так дай ты им подумать, они и надумают, другой такой же с печкой и с лежанкой, и с подполом за три дня с миром сладят, и Ольгу с ребятишками в него вселят».

Крестьянин-средняк Печура первым вошел в колхоз, за бескорыстие и преданность общему делу его избирают председателем. Как трезвый человек, он понимает, что эту должность обязан занимать человек и помоложе и поздоровее, поэтому мечтает выдвинуть Чаузова и готов рекомендовать его в партию. Печура откровенно говорит Степану: «Я тебя, Степа, уважаю очень, хотя ты и вовсе против меня молодой, а завсегда я думал, что таких мужиков поболее в государстве, как ты,—мы любому капиталу, сколь хотят, наперед очков и дадим!» Однако и Печура, готовый умереть за коллективное дело, упрекает Степана за то, что он не хочет сдать последнее зерно, так как не может оставить без хлеба и своих детей, и детей Ольги. В глазах Печуры Степан честный, но слишком добрый человек, а это качество он считает слабостью. Уговаривая Степана сдать зерно, Печура не удержался от прямой угрозы. «Ребятишек я голодными не оставлю,— отвечает Степан.— Взялись жизнь ладить— давайте ладить с умом, а не по злобе. На злобу сорвемся— то ли я, то ли на меня кто— толку не будет ни тому, сказать, ни другому. Разве третьему кому».

Совсем не понимал и не стремился понять душу крестьянина уполномоченный Корякин. Он разговаривает со Степаном тоном прокурора:

«— Вопрос такой: Чаузову есть чем кормить жену классового врага и поджигателя с тремя ребятишками. С тремя! А внести в семенной фонд колхоза у него и зернышка нету— как это понять? Как объяснить? Гражданин Чаузов?» Нетрудно понять, что Корякин, этот двойник Божеумова, действовал вопреки мнению колхозников. Они ему напоминали сталинский «Ответ колхозникам», ему говорили, что Степан воевал за Советскую власть, что этот труженик охотно пошел в колхоз, но Корякин называет его «носителем индивидуализма и собственности». «Нынче Чаузов Степан шел пожар тушить, а завтра он пойдет колхоз рушить, и некоторые мужики его на этот случай берегут!»— вот окончательный приговор Корякина. В громких словах и бездушных действиях догматика видно недоверие не только к Степану, но и ко всем колхозникам. В каждом среднем крестьянине он усматривает исключительно стяжателя, «мелкобуржуазный элемент»; под его грубым нажимом семью Степана

высылают из села. Разумеется, самоуправство будет пресечено, видимо, районные власти вернут Степана в родное село, и будет восстановлено его доброе имя,— в этом мы не сомневаемся,— однако ничем и никогда невозможно будет возместить нравственный ущерб, нанесенный честному человеку. Добро рождает добро, оно не исчезает бесследно, справедливые идеи и справедливые дела оставляют след в жизни, в сердце человека. И только те поступки людей, которые совершаются на пользу человека, являются нравственными. Зло, несправедливость, бездушие, как бы они ни маскировались, рано или поздно будут распознаны.

V

Советские писатели довольно часто изображают ошибки первых лет коллективизации, однако эти промахи у них не заслоняют главного завоевания нашего государства — объединения в трудовые коллективы миллионов крестьян, живших своим хозяйством. Из книг Шолохова, Проскурина, Залыгина, Мележа и других прозаиков читатель черпает уверенность в справедливости политики нашей партии в области перевоспитания крестьянства. Он, этот читатель, наглядно убеждается в том, что сами крестьяне в своем подавляющем большинстве умом и сердцем приняли коллективную жизнь, поняли преимущество нового образа жизни.

Что же заставляет современных писателей — и не только русских — так часто возвращаться к годам коллективизации? Об этом времени уже давно написаны талантливые произведения — кроме «Поднятой целины», романы «Бруски» Панферова и «Горы» Забурнина, поэмы «Страна Муравия» Твардовского и «Кулаки» Васильева. Одной познавательной функцией художественной литературы этот интерес объяснить невозможно. Писателей привлекает нравственно-этический аспект этой исторической эпохи. На начальном этапе коллективной жизни крестьянства возникли не только острые конфликты и трагические ситуации, но и делались первые шаги новой жизни. Думается, в этом заключается секрет пристального внимания к сложному процессу перестройки деревни.

Мы уже говорили о произведениях Залыгина и Проскурина, еще назовем из этого ряда такие книги, как «Прощай, Гульсары!» Айтматова, «Кончина» Тендрякова, «Земля родная» Зорина. Более подробно остановимся на дилогии белорусского писателя Ивана Мележа «Полесская хроника». В первом романе ее — «Люди на болоте» — изображено первое десятилетие мирного труда жителей полесского села Курени после революции. Хотя земли под пахоту и сенокос теперь стало больше, так как мужикам передали поля помещика, но остались кулаки, а глав-

ное — земля была плоха: то песок, то болото. Все-таки начинается труд на свободной земле, вот почему юный Василь Дятлик, оставшийся в семье за хозяина и кормильца, с любовью косит свою траву и молотит собственную рожь. Он доволен уже тем, что не отстает от соседей — семьи Чернушки, где нашел себе невесту. Земля у Василия хоть и плохая, но собственная, есть желание и умение трудиться, однако жизнь и его семьи, и его возлюбленной отравляет Евхим — сын богатея Глушака, связанного с последышами банды.

Вторая книга композиционно построена так же, как и первая: она начинается с описания сенокоса, но здесь картина дана более широко: мы видим все село с косами и граблями в руках. С большой любовью автор изображает косцов: их труд совершается в разгар лета, на фоне цветущей природы. Правда, не каждой семье этот труд доставляет радость: старый Глушак, жадный и жестокий человек, заставляет до изнеможения работать не только батраков, но и своих домашних, в том числе невестку Ганну. В поле заболел ее ребенок, но женщина должна ворошить сено; даже Евхим, ее муж, не хочет везти ребенка в больницу. Девочка умирает. Ганна, потрясенная смертью дочери, окончательно разочаровалась в муже, во всей семье Глушаков, где всегда чувствовала себя чужой и одинокой.

В эти летние дни, наполненные беспокойными хлопотами, и привез идею коллективного труда председатель райисполкома Апейка. Нет, он не созвал в разгар сенокоса собрание или митинг, как хотел бы местный коммунист Миканор! Апейка просто взял в руки косу и стал в ряды косцов, и мужики сразу же трезво оценили его крестьянскую сноровку, тем более что знали: Апейка — сын крестьянина, выбившийся в сельские учителя. Днем он косит траву, а вечером беседует о коллективном труде, о будущей жизни. Уже на второй день Миканор и его единомышленники коллективно косят друг другу траву и ставят общие стога сена. Вскоре коммунары сообща убирают свой хлеб, вместе его молотят. Как уже говорилось, Мележ любит показывать картины сельского труда, но здесь он впервые рисует запоминающиеся сцены подлинно трудового энтузиазма людей, вступивших на новый путь.

Как художник-психолог Мележ мастерски обнажает души своих персонажей. Он дает нам возможность заглянуть в тайное тайных Василя и Чернушки, Ганны и Миканора, Евхима и Корча. Мы слышим, что они говорят на людях, мы знаем, о чем они говорят наедине, бессонными ночами, мы видим, как они ходят и смотрят друг на друга. Можно сказать, что автор «Дыхания грозы» создает многоликий портрет села Курени, на который умелой рукой наносит характерные черты и детали всей страны в начальную пору коллективизации. Писатель не ограничивает себя масштабами одного села. Он ведет нас вслед за Апейкой в районный центр, вводит в кабинет председателя

РИК, заставляет присутствовать при споре с секретарем, волноваться за судьбу полюбившегося героя во время «чистки» в районном клубе. Автор и на этом не останавливается: несколько не нарушая законов сюжета, он ведет нас дальше по следам Апейки, отправляющегося на сессию ЦИКа Белоруссии. Благодаря этому приему читатель знакомится с состоянием плана коллективизации как в районе, так и во всей республике. Апейка трезво оценивает эти важные события, находится в самой гуще жизни, да и все остальные вовлечены в водоворот исторических событий.

Прекрасно понимая природу классовой борьбы, автор книги с потрясающей силой изображает столкновение между социальными слоями деревни, между отдельными лицами, а также противоречия в сознании одного человека. Полон трагизма внутренний конфликт, происходящий в душе молодой женщины Ганны, силой обстоятельств вступившей в брак с Евхимом. Ее долго сковывали религиозные и семейные предрассудки, ложный стыд перед родными и односельчанами. Большого труда стоило ей решение бросить вызов мужу и уйти из чуждого ей дома. Рядом с ней стоит полнокровный образ Василя Дятлика. За его угрюмостью и замкнутостью, за его неброской внешностью Ганна рассмотрела богатую человеческую душу, поэтому и полюбила его. Но хитрые старания мачехи и злодейство Евхима толкнули Дятлика на брак с нелюбимой девушкой, дочерью зажиточных родителей. Так собственнические тенденции нанесли непоправимый вред счастью молодых людей. После смерти ребенка Ганна готова пойти за Василем, она ждала его зова, но у него, связанного новым хозяйством и родственниками, не хватило смелости порвать с Маней. Мы снова убеждаемся, что в душе молодого мужика цепко держится собственническая закваска. Поэтому он долго не верит в дело коллективизации, не решается идти в колхоз, хотя этим шагом он сразу же разрубил бы крепкий узел противоречий как общественного бытия, так и семейной, личной жизни.

Да, трудно крестьянину Василю отказаться от своего клина пашни, от своего участка, от своего коня, от всего хозяйства.

Здесь хочется снова напомнить о шолоховском герое Майданникове, который с трудом разрывал «пуповину», связывающую его с собственной землей, своим хозяйством.

Решая проблему гуманизма, автор показывает нам взаимоотношения Василя и Миканора. Ошибка Миканора состояла не только в том, что он в момент передела земли поставил в один ряд кулака Евхима и труженика Василя, а главным образом в том, что он не доверял середнякам, проявлявшим хоть малейшие колебания. Если бы Миканор учитывал эти настроения, хорошо понимал психику Василя и проявил хоть немного такта по отношению к нему, этот крестьянин не оставался бы так долго единоличником.

В «Полесской хронике» главной темой является политический и нравственный рост трудового крестьянства в годы коренного перелома (революция и коллективизация). Но наряду с этой центральной темой автор рассматривает и тему гуманного отношения к человеку, ответственности руководителей и коллектива за своих членов. Тем более что в романах Мележа речь идет о людях, недавно испытавших гнет помещика и кулаков, о людях, только что переживших нравственное возрождение. Вспомним одну маленькую деталь: на сессию ЦИКа в Минск с Апейкой едет доярка Анисья — она первый раз в жизни видит город, она удивленно смотрит на вагоны трамвая, как ребенок, радуется, когда идет в кино на «живые картины!» Читатель понимает, сколько прекрасного открывает перед колхозницей жизнь в стране, приступившей к строительству социализма. Анисья не мастерица говорить, однако она просто, по-хозяйски рассказала с трибуны о нуждах только что созданного колхоза. И вот другой пример: когда Апейка учительствовал, он помог своему одаренному ученику Алесю поступить в университет. Юноша хорошо учится, пишет и даже печатает стихи, чем радуется своего бывшего учителя. С болью в сердце однажды Апейка узнает о гонениях на юного поэта, о травле его как «буржуазного националиста». Зная юношу, его родителей, — а именно с ними он воспитал этого человека, — Апейка сомневается в том, что коллектив студентов правильно поступил, исключив его из университета. Очутившись в Минске, Апейка встречается и беседует с Алесем, с его товарищами, добивается его возвращения в университет. По ассоциации Апейка вспомнил о недавней «чистке», которую он проходил в своем районе, где один непорядочный человек, прикрываясь громкими фразами о бдительности, пытался его оклеветать. Эти факты вызвали размышления героя о большой опасности, угрожающей социалистической гуманности со стороны всяких карьеристов и перекрасившихся врагов. Автор мастерски передает через внутренний монолог настроение своего героя:

«... Апейка вспомнил, что говорил Белый о Бухимовиче, и подумал: не ошибся Белый, такой Бухимович и действительно может сыграть роль провокатора — со своей показной архибдительностью и скрытым карьеризмом. Что если такие Бухимовичи да Галенчики — при их голосистости да нахальстве — возьмут силу, если не один, не два таких, при теперешних обстоятельствах, возьмут верх, — чего они наделают со своей архибдительностью? При таком порядке, когда можно будет нападать на того, кто попытается разобраться, исключать тех, кто захочет защищать?»

Апейка тут же возразил себе, что тенденция эта живет только потому, что пока мало проявилась: не заметили как следует вред ее. Как только проявится, ей дадут бой. Прищемят, как гадюку, что вползла в дом».

Все рассмотренные книги о вчерашней деревне — «Прялины», «Судьба», «Дыхание грозы», «На Иртыше» и другие — подкупают нас своей суровой правдой, беспощадным анализом успехов и ошибок и вместе с тем искренней верой в победу социализма.

VI

Современные писатели обращают свои взоры не только к пройденным колхозной деревней этапам, но и к ее дореволюционному прошлому. Это характерно для таких прозаиков, как М. Алексеев, М. Стельмах, А. Иванов, В. Астафьев. И причина этого все та же — они хотят объяснить некоторые процессы современной деревни, найти национальные и нравственные истоки сегодняшнего человека, строителя коммунистического общества. При этом подавляющее большинство писателей не идеализируют быт патриархального крестьянства, скорее наоборот, — правдиво показывают расслоение деревни, внутренние противоречия патриархального сознания. Однако у некоторых писателей ощущается любование деревенской стариной, церковными обрядами, и оно иногда переходит в приукрашивание всего патриархального быта. Вольно или невольно современная городская культура противопоставляется старой деревне с ее религиозными предрассудками, иконами в избах.

В свое время Александр Яшин вступил в спор с Владимиром Солоухиным, сопоставлявшим старую деревню с новой, колхозной. Разгорелась дискуссия, в которую включились и другие писатели и критики. Многие из них возражали В. Солоухину, считая, что он идеализирует старую деревню, ее обряды и патриархальный быт.

Характеризуя произведения на тему нравственных исканий, Л. И. Брежнев сказал следующее: «Были здесь и свои издержки, но все-таки больше достижений»¹.

На эти издержки в свое время указывал А. Яшин, автор повести «Вологодская свадьба», а в последнее время — критик Ф. Кузнецов в книге «За все в ответе» (1975).

Но самое примечательное состоит в том, что в наше время многие прозаики и поэты сами выступают против идиллического представления о старой деревне, о патриархальном крестьянстве. Причем эти выступления принимают формы как публицистических жанров, так и чисто художественных. В этом ряду большой интерес вызывает полемический роман Анатолия Ананьева «Межа». Герой его — учитель Николай Богатенков приехал в деревню работать в школе и, заинтересовавшись недавним прошлым крестьянства, решил написать историю села. Однако для исследования этой темы у него совсем не было подготовки,

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 79.

его наблюдения оказались поверхностными, а первым его «консультантом» стал хозяин квартиры Минаев — махровый стяжатель и давний враг колхозного строя. Этот старец, внушавший молодому человеку свои мысли о «единстве крестьянского мира», имел дальний прицел. «Нам не поверят, а ученым поверят, — признается Минаев. — Он это запишет, и тут тебе — топором руби, а оно написано».

С рукописью Николай сначала знакомит отца, который знал старую деревню по личному опыту.

Слова отца поколебали Николая, но он все-таки идет с рукописью к любимому учителю — историку. И учитель указал на самый главный порок его труда: «Вы не увидели главного в деревне — героическую ее сторону. Надо было мужику сломать в себе вековые привычки, сдвинуться, почувствовать вокруг мир и себя в этом мире, надо было ему перешагнуть плетень своего огорода». «Жизнь движется, — говорил далее учитель, — ... историк, который хочет описать свое время, должен быть на стержне этого движения. Солома на избах, грязь на дорогах — это все остается на поверхности жизни, историк должен смотреть глубже, он обязан видеть внутренние процессы в сознании крестьянина».

Ананьев не останавливается и на этом — он считает недостаточным наличие одних только логических средств и потому прибегает к приемам чисто сюжетным, хотя несколько и прямолинейным. Он ведет читателя и героя в прошлое старика Минаева: оказывается, что этот современный добровольный «могильщик» (он со злорадством помогает хоронить бывших активистов села) вышел из семьи богатого мужика, который в годы гражданской войны участвовал в кулацких восстаниях. Уже тогда Семен заразился стяжательством и ненавистью к новому режиму. Он было поднял голову в годы нэпа, но вскоре началась коллективизация, связавшая его по рукам и ногам. И он живет под личиной колхозника, пользуется льготами, а душу собственника-стяжателя тщательно скрывает. Началась война, и он было поверил в восстановление старых порядков, но его мечты рассыпались в прах после разгрома гитлеровской армии. Время идет, жизнь проходит, а Минаев живет иллюзиями прошлого, под конец жизни начиная осознавать, что возврата к прошлому не будет. Однако свою «правду» он пытается внушить окружающим, особенно молодежи. Так на его «удочку» и попался Николай.

Роман «Межа» — злободневная книга об отношении современной интеллигенции к деревне, как сегодняшней, так и старой. С начала до конца она пронизана спором, но спор в ней ведется не ради спора — у автора своя четкая позиция, свой нравственный критерий. Что же касается темы пережитков прошлого, то она освещалась рядом писателей задолго до Ананьева. В числе первых здесь выступили В. Тендряков («Не ко двору»), А. Иванов («Повитель»), С. Крутилин («Липяги») и другие.

Крутилин часто обращается к представителям старшего поколения. Так, в главе «Мадонна» повествуется о встрече матери героя с сестрой — набожной старухой. Мать с сыном-учителем уже переехали в коммунальную квартиру, небольшую, но со всеми удобствами. Правда, ей трудно было привыкнуть к тесной комнате после избы с сенцами, амбаром, пунькой, клетями. В старой избе были и иконы в красном углу — «древние, пропыленные, как и сама изба». «Дешевенький оклад на иконах давно потускнел, и в прорезях его трудно было различить лики святых. Белело лишь личико младенца, которого богородица держала на руках, да виднелся указательный палец Иисуса Христа». И далее свидетельство рассказчика: «Не помню, когда в последний раз зажигалась лампада, висевшая перед образами. Бабушка еще следила, а матери было не до этого». И вот появилась в новом доме богомольная и хитрая сестра — и упрекнула за отсутствие иконы. «Мать как-то виновато улыбнулась и махнула рукой. «Я не хозяйка тут,— сказала она. — А молодые все партийные. Им образок в доме иметь не положено». — Мать говорила это не без лукавства — она сама не очень-то верила в бога».

В «Липягах» можно найти множество фактов, говорящих о переплетении новых и старых форм быта, о предрассудках и победе современных начал, но главное — в этой книге много фактов, свидетельствующих о том, что пожилые люди деревни без особого сожаления расстаются с устаревшими привычками и предметами быта.

VII

В целом ряде талантливых произведений с большой убедительностью вскрывается одурманивающее влияние идей представителей церкви и сект. Назовем хотя бы некоторые из этих книг: «Стародуб» В. Астафьева, «Хмель» А. Черкасова, «Тени исчезают в полдень» А. Иванова. Да и в трилогии Ф. Абрамова тоже затронута эта тема: в семье Лобановых, в этом нравственно нездоровом гнезде уживаются страсть к «своей» собственности с религиозным фанатизмом.

«Кончив ужинать, Трофим вышел на середину избы, стал молиться, следуя его примеру, перекрестилась Авдотья, старшая сноха, жена Максима, ту в свою очередь поддержала Тайка, жена Якова...» За взрослыми начинают молиться дети. Можно подумать, что религиозный фанатизм Лобанова-отца объясняется суровостью обстановки (тяжелое послевоенное лето), большим горем семьи, потерявшей четырех мужчин на войне. Однако при внимательном прочтении этой своеобразной новеллы о доме Лобановых, изображенной параллельно семье Пряслиных, мы убеждаемся, что главной причиной жестокости старика является враждебность к колхозному строю. Когда-то в годы коллекти-

визации его сын, комсомолец Тимофей, уговорил отца войти в колхоз, и отец передал колхозу свое имущество. Во время войны колхоз не мог помогать семье, а единственная надежда — Тимофей вернулся домой инвалидом. Отец не может простить ему «коммуны», выгоняет его из дому, а семья настолько запугана стариком, что никто, даже мать и жена, не могут защитить Тимофея.

В романе «Две зимы и три лета» мы видим, какой важный смысл приобретает контрастное изображение двух семей — Пряслиных и Лобановых. Одна из них унаследовала и приумножила лучшие традиции трудовой крестьянской среды, другая тщательно сохраняет собственническую закваску, убивая всякие попытки самостоятельности у своих членов. Словом, одна крестьянская семья может держаться на добром согласии и взаимовыручке, другая же до поры до времени может существовать благодаря диктату главы семьи. В этом убеждают нас правдивые образы, нарисованные автором с большим мастерством. Ф. Абрамов любит деревню, но любовь его не слепа: он видит новые типы деревни, но это не мешает ему видеть и серьезные пережитки прошлого.

В ряде произведений частнособственническая идеология трактуется как гнилая основа, порождающая религиозные предрассудки и изуверства. Пожалуй, наиболее впечатляюще эта тема разработана Астафьевым в повести «Стародуб», А. Ивановым в романе «Тени исчезают в полдень». Роман даже построен таким образом, что читатель хорошо видит, чем диктуются поступки героев наших дней, куда они уходят своими корнями. Действие в сибирском селе Зеленый Дол совершается в начале 60-х годов, однако «родословная» основных героев автором прослеживается с дореволюционных времен. Нынешний председатель колхоза Захар Большаков — сын батрака, много испытавшего в старое время. Бригадир Устин Морозов и его жена Пистимея не могут забыть прошлого, с ними под той же тенью прошлого продолжает прозябать Юргин. Если Большаков в годы гражданской войны боролся за новую жизнь с оружием в руках, то Морозовы выступали против революции, а сегодня они лишь прикидываются колхозниками. Жена Устина в прошлом дочь богатого купца, в течение десятилетий ведет на селе идеологическую диверсию. Морозовы пытаются отравить жизнь Наташе — дочери кулака, давно ставшей честной колхозницей. Молодого Егора они толкают на преступления, используя хитрость и шантаж. Ирину разлучают с женихом, нанеся ей душевную травму. Зину вовлекли в секту баптистов; даже Варвару, родную дочь, втягивают в изуверские радения, что ей едва не стоит жизни. Правда, их сыну Федору удается вырваться из этой паутины, он погиб как настоящий герой. Словом, много приносят горя и страданий эти призраки старого мира, однако и из их среды выходят люди, которых перевоспитало советское обще-

ство. А сами они стареют, выдыхаются, начинают понимать свое бессилие, как это случилось с Устином. Только фанатики вроде Пистимей идут на все и до конца: поняв, что ее муж мучится сомнениями, она отравляет его, поджигает собственный дом и уходит из села. Роман Иванова назван символично: «Тени исчезают в полдень», однако, прежде чем тени эти исчезли, они многим помешали найти дорогу к новой жизни.

Еще более сложные судьбы людей разных поколений, связь между ними представлены читателю в романе А. Черкасова «Хмель».

В романах Иванова и Черкасова молодое поколение одерживает победу над призраками прошлого. Эта же характерная черта присуща и книге М. Алексева «Вишневый омут» (1964). Победенный человеком, некогда таинственный и страшный «омут», веселая речка Игрица, все разрастающийся сад — это подлинный гимн человеческому труду, его борьбе со стихиями природы. Судьба харламовского сада на протяжении полстолетия стала сердцевинной многопланового сюжета. В саду сходились, перекрещивались жизненные пути не только семьи Харламовых — дедов, детей, внуков, но и всех жителей села. Бывший волжский грузчик Михаил Аверьянович привез саженцы яблонь и вишен на берег Волги и посадил их на расчищенном участке. Хозяин сумел отстоять свой сад от морозов и засухи, но не смог отстоять от злых рук врага: молодые яблоньки были уничтожены. И только терпеливый труд, упорство, «торжество земледельца» преодолели и стихии природы, и злые людские дела. Пример Михаила Аверьяновича заразил других односельчан, и рядом с его садом появились яблоньки соседей, а это уже была общая победа сельского «мира».

Рамки романа-хроники, охватившие жизнь деревни в течение ряда десятилетий, позволили Алексеву показать преемственность между членами семьи Харламовых. Эта преемственность в первую очередь осуществляется в области нравственных представлений крестьянина. Сначала сыновьям, потом внукам глава патриархальной семьи передает свои понятия о труде, о земле, о природе, об отношениях между людьми в одной семье, в коллективе, в обществе. Вот Михаил Аверьянович знакомит своего внука Мишу (уже имена подчеркивают их духовную связь) с садом, с лесом, с жизнью природы. Мальчику внушается бережное, хозяйское отношение к каждому деревцу, каждому кусту, каждой травинке. Дед толкует не только о «дарах» природы, которые берет от нее человек, но и о чувстве художественном и даже гуманном. После таких нравственных уроков Миша ощущает свою слитность с природой: «Дубы добродушно улыбались, широко раскинув могучие руки-сучья... Осины весело лепетали на непонятном языке, радостно хлопали ладошками — трепетными даже при полном безветрии — своими листьями, приветствуя старых знакомых. Ближе к осени на узкую лесную

дорогу то в одном, то в другом месте высывались тонкие и цепкие руки ежевики с пригоршнями спелых ягод: нате, добрые люди, угощайтесь!»

В дальнейшем автор, тонкий художник лирического пейзажа, показывает, как любовь внука Харламова к саду, к родной земле перерастает в любовь к Родине, к советской стране. Именно Харламов-младший станет активным строителем новой деревни, а в годы войны — защитником своего Отечества.

В поэтическом повествовании о большой семье Харламовых (в истории этой семьи показаны не только одни «светлые стороны», но и острые конфликты, трагические ситуации) символический смысл приобретает такая деталь, как сад, яблоня, яблоки. В этой важной детали, в ее художественной функции есть что-то общее с рассказом «Антоновские яблоки», однако, прибегая к общему приему символической детали, писатели принципиально расходятся в оценке действительности: если Бунин смотрит на деревню с грустью, оглядываясь на прошлое, то Алексеев даже при изображении деревни прошлого остается оптимистом.

Один человек посадил яблони, другой человек уничтожил их — уже в этом факте возникает узел противоречий между двумя «лагерями» деревенского населения. И далее сад Харламовых не раз будет страдать от кулаков, бандитов, хулиганов — все они пытаются нанести ущерб людям труда, защитникам свободы, правды. На страницах романа сад становится своеобразным живым, нежным, поэтическим существом, на защиту которого становятся все трудящиеся села. Сад является для них уже не «чужим», харламовским, а плодом общего труда. Отстаивая его, крестьяне отстаивают свое право на свободный труд, в победе своей над злыми силами они видят «торжество земледельца».

Врагом сада стала фашистская Германия.

«Знали ли те немецкие артиллеристы, которые страшным, черным утром 22 июня 1941 года наводили жерла орудий на какой-нибудь наш пограничный городок? — Знали ли они, что их снаряд полетит так далеко и смертельно ранит и вот этот тихий сад?» — спрашивает автор в последней главе. Да, сад харламовский, сад колхозный, хотя он и находится в глубоком тылу, за Волгой, тоже пострадал, сначала от недосмотра, потом от топора самих же колхозниц, ибо нечем было топить печи... Фрося, которую в девичестве прозвали Вишенкой, увидев на саях подруги любимую свою яблоню, восприняла ее как загубленное любимое существо, у которого из «...комля красными раздробленными костями торчали обломки древесины, и, точно свежая рана, кровоточили».

VIII

Хотя мы уже не раз говорили о том или ином образе героя-коммуниста, партийного руководителя, однако эта проблема столь многогранна, что требует специального изучения, а это невозможно без сравнения и обобщения материала.

Родословная этого художественного типа XX столетия начинается, как известно, с горьковских героев: Нила, Павла Власова, Синцова. После Великого Октября горьковская традиция была подхвачена Фурмановым (образ Федора Клычкова), Се-рафимовичем (образ Кожуха), Вс. Ивановым (образ Пеклеванова), Шолоховым (образ Давыдова), а за ними последовали герои «Молодой гвардии», «Русского леса», «Счастья» и другие.

К сожалению, в недавнем прошлом имела место идеализация положительного героя. В результате в книгах С. Бабаевского вместо живого характера появлялся «идеальный» герой, созданный по заданной схеме. С другой стороны, во второй половине 50-х годов предпринимались попытки «заземлить» образ коммуниста.

В литературе 60—70-х годов наряду с общей тенденцией к правдивому воспроизведению действительности наметилось глубоко объективное изображение героя нашего времени — партийного руководителя, коммуниста. П. Проскурин, автор романов «Горькие травы» и «Судьба», изобразил целую галерею партийных работников. В первом романе образ Дербачева поражает своей художественной завершенностью, выразительной пластичностью, четкостью индивидуальных черт. Он воспринимается как живой реальный человек: мы видим его тяжелую плотную фигуру, крупную угловатую голову, чувствуем на себе его умный оценивающий взгляд, видим его решительные жесты и медленные движения. Не менее важна и другая сторона этого самобытного образа — его психологическая наполненность: автор зорко прослеживает сложный процесс оформления мыслей героя, заглядывает в глубину его души, показывает мотивы его действия.

Если в романе «Горькие травы» мы видим правдивое изображение коммунистов, работающих в послевоенные годы, то в новом романе Проскурина «Судьба» они представлены нам в другой исторической обстановке — накануне и в годы войны. Здесь мы знакомимся с бурной деятельностью секретаря обкома Петрова, секретаря райкома Брюханова. Особенно удался писателю образ Брюханова, который до освобождения города находился в партизанском отряде, а затем возглавил обком партии. Видимо, в следующих книгах этому образу будет отведено видное место.

Ф. Абрамов и В. Тендряков тоже неоднократно возвращаются к образу партийного руководителя периода Отечественной войны. В рассмотренной повести «Три мешка сорной пшеницы»

мы отметили образы коммунистов Кистерова и Бахтьярова. Здесь же остановимся на образах Подрезова и Лукашина — героев трилогии Абрамова. Характерно, что Абрамов делает обобщения не только в конкретно-образной форме, но и чисто публицистическими средствами:

«В войну и после войны районщики работали на износ. Выходных не знали по месяцам. Спали по три-четыре часа в сутки, а так либо по колхозам мотаешься, либо на посту в своем кабинете. Подрезов с его богатырским здоровьем легко переносил этот режим, а уж если иногда становилось неважно, сон начинал одолевать, ведро холодняка на себя (уборщица за этим строго следила) — и опять сидит себе за своим рабочим столом в одной синей трикотажной майке, весь красный, раскаленный, как самовар. Когда же Подрезов приезжал в областной город, то сразу же «превращался из первого лица» в своем районе в «попрошайку и плакальщика». «Да, да, да! — размышляет он теперь, спустя много лет после войны. — Все надо протолкнуть и выбить секретарю: и грузовики, и тракторы для колхозов, и технику для леспромхозов, и хлебные лимиты, которые каждый месяц урезают, отстоять. А пенсии? А учителя, которых из года в год не хватает в школах? Да ежели говорить откровенно, то это еще неизвестно, где у первого секретаря главная работа: в районе у себя или в области. Во всяком случае, тут, в области, добывается смазка и горючее для машины, которая называется районом. Тут раскрываешь свои таланты сполна. Потому что от них, от этих твоих талантов, зависит судьба целого района, жизнь и благополучие десятков тысяч людей».

Подрезов обрисован как руководитель района, как человек. И в том и другом случае он не превращается в идеального героя. В одном эпизоде мы его видим решительным человеком, умеющим постоять за себя и своего товарища, а в другом он проявляет слабохарактерность, когда надо было защищать лучшего председателя колхоза Лукашина. В послевоенные годы, когда обязанности секретаря стали более сложными и к людям требовался более тонкий подход Подрезов начинает понимать, что новое время требует от руководителя других качеств и знаний. Именно этим объясняется возникновение конфликта между ним, Подрезовым, и начальником леспромхоза Зарудным, человеком молодым и образованным.

Полушутя он называет Зарудного то «ученым молокососом», то «молодым шенком», но позднее уже всерьез скажет: «Ничего не скажешь — орел парень. Орел». И в то же время в данный момент, в данной обстановке Подрезов не мог поддержать Зарудного, ибо надо было всех активистов нацелить на выполнение плана текущего года. Ему казалось, что предложение Зарудного — это «сказки про райское житье», хотя в действительности это были своевременные, продиктованные новой эпохой преобразования. И жизнь подтвердит правоту Зарудного. Под-

резов вынужден будет ее признать, а вместе с тем и свою отсталость в научно-технической области.

Подрезов начинает понимать новую экономическую обстановку, необходимость в новых руководителях, что свидетельствует о его трезвом уме, моральной чистоте, гражданском мужестве. Это и делает образ новаторским, конкретным и правдивым.

Мы рассмотрели целый ряд произведений, возникших на героическом и трагическом материале гражданской и Отечественной войн, а также на материале эпохи коллективизации и послевоенного восстановления. При этом мы подчеркнули, что любой материал из жизни деревни служит решению нравственно-философских проблем, актуальных для наших дней, для дела воспитания человека, члена социалистического общества.

Правильное понимание писателем закономерностей жизни, ведущих ее тенденций открыли дорогу к читателю большому количеству образов советской женщины. Если в книгах, посвященных военной страде, главным героем давно уже стал воин-мужчина, то в произведениях о жизни в тылу героиней стала женщина. Эти образы составили целую галерею: Анфиса Минина, Анна Пряслина, Пелагея — в книгах Абрамова; Авдотья, Ефросинья и Алена — у Проскурина; Вишенка — у Алексева, Екатерина Петровна — у Астафьева, Толгонай — у Айтматова, Ганна Глушак — у Мележа, Мария — у Закруткина.

Наряду с «последними могиками» старой деревни в сегодняшней прозе почетное место занимают образы представителей молодого поколения колхозного крестьянства: Михаил и Лиза Пряслины, Иван и Егорка Дерюгины, Женька Тулупов, Николай Богатенков, Миша Харламов, Василь Дятлик. Поставленные в разные социальные и исторические обстоятельства, все эти герои наделяются общими, родовыми чертами, свойственными всем поколениям советской молодежи.

Не менее значительным достижением современной литературы является и образ самого передового человека нашей эпохи — коммуниста. Мы рассмотрели только несколько книг, в которых убедительно показана роль руководителя масс, воспитателя молодого поколения, однако и этого вполне достаточно, чтобы сделать объективный вывод о роли КПСС в жизни советского общества на всех этапах его существования. Многогранную деятельность нашей партии в современной литературе достойно представляют Дергачев и Брюханов, Подрезов и Лукашин, Бахтьяров и Кистерев, Печура и Апейка.

Лучшие из этих образов могут быть поставлены в один ряд с давно известными положительными героями советской литературы — Клычковым, Пеклевановым, Чумаловым, Давыдовым, Мересьевым, Воропаевым и другими.